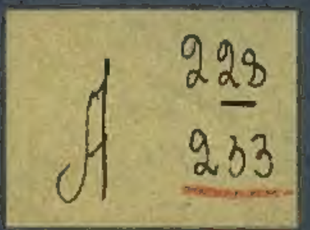

Красовский
А 228/233
в
в XVII в.

А 228/233

РУССКІЕ

ВЪ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЪ XVII В.

М. А. Красовскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1895.

РУССКІЕ ВЪ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЪ XVII В.

М. А. Красовскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1895.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. Катановъ.

(Отдѣльный оттискъ изъ XII тома «Извѣстій Общества Арх., Ист. и Этногр.» за 1894 г.).

РУССКІЕ ВЪ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЪ XVII В.

Якутская область расположена главнымъ образомъ по системѣ р. Лены и ея притоковъ. Съ сѣвера она примыкаетъ къ Ледовитому океану, съ запада границей ея служитъ р. Анабара, потомъ граница идетъ на югъ къ р. Илимпею, доходитъ почти до ея истоковъ, отсюда поворачиваетъ прямою линіей на юго-востокъ къ устью р. Витима, идетъ по ней до Яблоноваго хребта, по которому простирается далѣе на востокъ до Становаго хребта. На востокъ граница идетъ по Становому хребту и отъ истоковъ Анадыри поворачиваетъ къ устью р. Колымы.

Главная рѣка области Лена, одна изъ величайшихъ рѣкъ на земномъ шарѣ, начинается разными источниками изъ сѣверозападной части пояса горъ Байкальскихъ, имѣетъ дугообразное теченіе на сѣверъ и впадаетъ въ Ледовитый океанъ; ширина ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 2—3-хъ, даже до 10 верстъ, а въ длину теченіе ея имѣетъ болѣе 4-хъ тысячъ верстъ. Лена въ нижнемъ своемъ теченіи покрывается льдомъ предъ концомъ сентября, а въ верхнемъ въ октябрѣ и ноябрѣ. Вскрывается въ верхнемъ теченіи въ началѣ и половинѣ апрѣля, къ устью въ исходѣ мая, иногда въ половинѣ іюня. Между притоками Лены наиболѣе замѣчательны: съ лѣвой стороны р. Вилюй—течетъ отъ запада къ востоку на протяженіи болѣе 800 верстъ и впадаетъ въ Лену ниже Якутска; съ пра-

вой стороны: Витимъ—беретъ начало изъ разныхъ озеръ въ уѣздѣ Верхнеудинскомъ и, протекши около 1700 верстъ, вливается въ Лену нѣсколько ниже слободы Витимской, Олекма начинается около Яблоноваго хребта и впадаетъ въ Лену немного ниже Олекминска, длина ея до 1400 верстъ; Алданъ—беретъ начало съ Яблоноваго хребта и вливается въ Лену ниже Якутска на 180 в.; теченіе его имѣетъ около 1800 верстъ. Помимо Лены и ея притоковъ въ Якутской области находятся слѣдующія рѣки, текущія параллельно съ Леною и впадающія въ Ледовитое море: къ западу отъ Лены р. Оленекъ, имѣющая до 1000 вер. длины; къ востоку: Яна, далѣе Индигирка, образующаяся отъ соединенія рѣчекъ Омекона и Кундусуня, вытекающихъ изъ Верхоянскаго хребта, и Колыма, начинающаяся въ предгорьи Становаго хребта, имѣетъ до 1500 верстъ.

Относительно почвы и растительности, отчасти климата, Якутскую область можно раздѣлить на двѣ полосы: одна идетъ къ сѣверу отъ 62° с. ш., а другая къ югу. Сѣверная, по преимуществу тундровая полоса, занимающая прибрежье сѣвернаго океана до 62° с. ш., имѣетъ болотистую, промерзлую почву, которая оттаиваетъ лишь на небольшую глубину и производитъ мхи и лишаи, а также ягодные кустарники. Настоящихъ лѣсовъ въ этой полосѣ, особенно ближе къ сѣверу, нѣтъ, встрѣчается только искривленный, приземистый соснякъ, тальникъ, можжевельникъ и нѣкоторыя другія растенія. Климатъ сѣверной полосы чрезвычайно суровъ, вслѣдствіе чего эта полоса бѣдна растительностью. Но со скудостью прозябаемой природы представляется въ противоположности богатство животнаго царства. Здѣсь водятся въ огромномъ количествѣ олени, которые ходятъ по тундрамъ въ безчисленныхъ стадахъ, лоси, песцы, бѣлки. Весною прилетаютъ сюда огромные стаи лебедей, гусей, утокъ и множество другихъ птицъ. Населеніе въ этой полосѣ чрезвычайно рѣдко и состоитъ изъ тунгусовъ, якутовъ и юкагировъ, которые издавна занимались здѣсь звѣриными и рыбными промыслами, единственными средствами существованія. Между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ простран-

ствахъ природа дремлетъ въ оцѣпенѣніи отъ холода, южная полоса сравнительно наиболѣе богата растительностью и животными. Она имѣетъ преимущественно песчанно-глинистую почву и покрыта безпредѣльными дремучими, состоящими изъ хвойныхъ породъ лѣсами, которые называются тайгами и урманами. Въ этой полосѣ луга изобилуютъ кормовыми травами; изъ хлѣбныхъ растеній могутъ родиться рожь, ячмень и овесъ; ячмень можетъ родиться даже около Якутска.

Первоначальныя свѣдѣнія о народахъ Якутской области принадлежатъ оффиціальнымъ документамъ, преимущественно отпискамъ служилыхъ людей Московскаго государства. Но эти оффиціальные документы представляютъ мало матеріала, относящагося къ уясненію быта народовъ Якутской области, ихъ характера и особенностей; они имѣютъ важное значеніе болѣе какъ историческіе источники, изъ которыхъ мы можемъ почерпать свѣдѣнія относительно хода и характера завоеваній русскихъ въ этой области.

Якутскую область, когда стали проникать въ нее русскіе, населяли слѣдующіе инородцы. На сѣверѣ весь край между рѣками Индигиркой и Колымой населяли тунгусы и юкагиры. По р. Ленѣ и ея притокамъ, а также по р. Оленеку жили якуты и тунгусы. Когда поселились эти племена въ предѣлахъ Якутской области, какова была ихъ первоначальная исторія намъ совершенно неизвѣстно, такъ какъ нѣтъ никакихъ памятниковъ, которые хотя отчасти могли бы служить къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Впрочемъ у якутовъ сохранилось преданіе, по которому видно, что предки ихъ жили въ древнія времена около верховьевъ Лены и по западной сторонѣ Байкала въ сосѣдствѣ съ монголами и бурятами; но потомъ, поссорясь съ ними, они принуждены были удалиться, поплыли на плотахъ со всѣмъ своимъ скотомъ внизъ по р. Ленѣ и поселились около Якутска, побѣдивъ жившихъ тамъ тунгусовъ, а оттуда уже распространились и по другимъ мѣстамъ [1]). Основываясь на этомъ преданіи, можно заключить,

[1]) Сибирск. Вѣстн. 1824 г. ч. III, стр. 127.

что тунгусы поселились въ Якутской области ранѣе якутовъ. Якуты произошли отъ татарскаго племени, доказательствомъ чему служитъ ихъ наружный видъ и образъ жизни, а преимущественно языкъ, въ которомъ почти всѣ слова татарскія. Якуты говорятъ, что при первоначальномъ поселеніи на р. Ленѣ ихъ было только два рода: первый Батулинскій, который состоялъ подъ начальствомъ Омогой бая, другой Елейскій, старшиной котораго былъ Елей. Этотъ Елей женился на дочери состарившагося Омогоя и имѣлъ отъ нея 12 сыновей; старшій изъ нихъ былъ по имени Хасаласъ. При одномъ изъ наслѣдниковъ его Тыншѣ и покорены были якуты русской власти. Всѣ обитатели Якутской области, во время завоеванія ея русскими, вели кочевую жизнь. Общественный бытъ ихъ былъ устроенъ по родовымъ порядкамъ; они всегда раздѣлялись на роды, управлявшіеся своими старшинами; роды состояли иногда изъ нѣсколькихъ сотъ душъ.

Рыбная ловля и звѣроловство были главными средствами къ жизни сѣверныхъ инородцевъ. Олень для обитателей тундръ составлялъ и теперь составляетъ главное богатство; онъ даетъ имъ одежду, пищу и все, что требуется для кочевой ихъ жизни. Только одни якуты занимались скотоводствомъ. Но о земледѣліи и хлѣбныхъ растеніяхъ тогда не имѣли понятія.

Непроходимые и безконечные лѣса, мертвыя пустыни и топкія болота покрывали якутскую область, а потому русскимъ, еще совершенно незнавшимъ этой страны, трудно было бы идти впередъ для отысканія и завоеванія новыхъ земель по этимъ дремучимъ лѣсамъ и при томъ безъ всякой дороги. Лучшимъ и наиболѣе безпрепятственнымъ путемъ могли служить рѣки; и русскіе дѣйствительно во все время завоеванія якутской области шли въ нее по водяной системѣ, переходя съ одной большой рѣки на другую при помощи притоковъ этихъ рѣкъ. Этотъ путь былъ слѣдующій: отъ Тобольска, областнаго города Сибири, дорога шла зимою и лѣтомъ по Иртышу, Оби, Кети и сухопутно до Енисейска, отсюда опять водою по Верхней Тунгускѣ до Илимска, отъ Илимска дорога

шла сухопутно чрезъ Усть-Кутскій острогъ на р. Лену и внизъ по Ленѣ до Якутска.

Свѣдѣнія относительно первоначальнаго открытія р. Лены и впадающихъ въ нее рѣкъ очень скудны и не ясны. — Открытіе и завоеваніе якутской области, какъ и самое открытіе Сибири, сдѣлано было казаками, съ тою только разницею, что при открытіи Сибири казаки дѣйствовали по собственной инціативѣ, а теперь они шли впередъ по приказанію правительства.

Переходъ на р. Лену совершился съ двухъ концовъ: во 1-хъ Туруханскіе казаки перешли двумя путями: съ р. Нижней Тунгуски на р. Чону (истокъ Вилюя) и съ той же Нижней Тунгуски прямо на верховье р. Лены (Чечуйскимъ волокомъ); во 2-хъ перешли на Лену енисейцы, но позже турханцевъ. Прежде перехода ихъ на р. Лену былъ построенъ Красноярскій острогъ и осмотрѣна р. Илимъ. Одновременно съ переходомъ на р. Лену Кутскимъ волокомъ основаны остроги Устькутскій, Илимскій и Туторскій въ 1631 году; самое же открытіе Якутской области слѣдуетъ отнести къ 1630 году. Въ этомъ году посланъ былъ изъ Енисейска казакъ Федоръ Ефремовъ съ товарищами, для отысканія новыхъ народовъ и новыхъ землицъ и для сбора съ нихъ ясака. Перейдя Енисей и поднявшись по Тунгускѣ, казаки пробирались далѣе чрезъ непроходимые лѣса и болота и наконецъ вступили на р. Лену. Тамъ встрѣтили они туземныхъ инородцевъ, называвшихъ себя сохами, а впослѣдствіи извѣстныхъ подъ именемъ якутовъ, собрали съ нихъ ясакъ и снова возвратились въ Енисейскъ. Послѣ этого начали уже систематически посылать казаковъ на Лену каждый годъ для сбора ясака съ прежде покоренныхъ инородцевъ и для покоренія новыхъ. Но, чтобы казаки, при распространеніи на р. Ленѣ русскихъ владѣній, имѣли для себя въ военныхъ дѣйствіяхъ точку опоры, имъ нужно было основать на Ленѣ острогъ, т. е. небольшую крѣпость, въ которой они могли бы укрыться отъ нападеній туземныхъ инородцевъ и который также могъ бы служить складочнымъ

мѣстомъ всѣхъ припасовъ и собираемаго ясака. Съ этою цѣлью былъ посланъ изъ Енисейска на р. Лену казачій сотникъ Петръ Бекетовъ, который съ 20 казаками отправился весною изъ Устькутскаго острога внизъ по р. Ленѣ, прибылъ къ якутамъ и построилъ въ 1632 г. на берегу Лены острогъ, названный Якутскимъ. Острогъ этотъ былъ поставленъ на плоской прибрежной равнинѣ, которая подвергалась потопленію отъ весеннихъ разливовъ, и чрезъ десять лѣтъ въ 1642 году, по наименованіи его городомъ, былъ перенесенъ воеводою Головинымъ на другое мѣсто, въ десяти верстахъ отъ прежняго вверхъ по Ленѣ.

За сборомъ ясака съ якутовъ приходили казаки изъ двухъ городовъ изъ Енисейска и Туруханска. Партіи казаковъ, пришедшіе изъ одного города часто ссорились изъ-за права собирать ясакъ съ партіями казаковъ изъ другаго города, отчего происходили частые безпорядки въ сборѣ ясака, такъ какъ казаки Енисейскіе снова брали ясакъ съ тѣхъ якутовъ, которые уже уплатили его казакамъ Туруханскимъ и наоборотъ. Все это привело якутовъ въ такую злобу, что они рѣшились разрушить Якутскій острогъ. Въ 1634 г. собралось ихъ, подъ предводительствомъ князьца Мымака, слишкомъ 600 человѣкъ; имъ вышелъ на встрѣчу атаманъ Галкинъ съ казаками. Въ происшедшей затѣмъ битвѣ якуты взяли верхъ и принудили русскихъ спасаться бѣгствомъ и запереться въ острогѣ. Послѣ этого якуты, окружа острогъ, старались его сжечь, но это имъ не удалось. Осада продолжалась съ 9 января до конца февраля. Во время ея казаки терпѣли крайній недостатокъ въ пищѣ, но твердо охраняли свой острогъ и отражали непріятеля. Наконецъ якуты, не видя никакого успѣха, бросили осаду острога и отошли. Галкинъ послалъ за ними партію казаковъ, которая усмирила часть возмутившихся якутовъ, а оставшіеся не усмиренными чрезъ два года снова осадили Якутскъ, но взять его не могли; при этомъ они раззорили остававшихся вѣрными русскимъ якутовъ. Послѣ вторичной неудачи большая часть якутовъ откочевала въ разныя отда-

лепныя мѣста, вѣроятно на р. Вилюй и къ Ледовитому морю, потому что Мангазейскіе казаки прежде на р. Вилюѣ Якутовъ не находили, а впослѣдствіи, въ 1641 году боярскій сынъ воинъ Шаховъ, служившій на р. Вилюѣ около семи лѣтъ, доносилъ якутскимъ воеводамъ, что по р. Вилюѣ живетъ до 3-хъ тысячъ якутовъ и тунгусовъ [1]).

Изъ Якутскаго острога казаки стали распространять свои завоеванія по всей Якутской области. На югъ и востокъ отъ Якутска были открыты рѣки: Олекма, Алданъ и Амга около 1632 года, Юдома, притокъ Алдана, въ 1635 г., Мая, также притокъ Алдана, въ 1636 году. А около 1639 г. были учреждены ясачныя зимовья: на Усть Алданѣ, Усть-Маѣ, Амгѣ и др.

Въ 1635 году былъ отправленъ изъ Енисейска на Лену казацкій десятникъ Елисей Буза, съ приказаніемъ осмотрѣть рѣки, впадающія въ Ледовитое море, и наложить ясакъ на тамошнихъ жителей. Прозимовавъ съ десятью казаками въ Олекминскомъ острогѣ, Буза пригласилъ къ себѣ еще 40 человѣкъ промышленниковъ и вмѣстѣ съ ними, по наступленіи весны, отправился въ путь внизъ по р. Ленѣ; чрезъ двѣ недѣли онъ достигъ устья этой рѣки, затѣмъ поплылъ отсюда Ледовитымъ океаномъ по направленію къ западу и въ одни сутки добрался до р. Оленека. Поднявшись по этой рѣкѣ до устья р. Пирриды, онъ провелъ зиму у кочующихъ по р. Оленеку тунгусовъ и собралъ съ нихъ ясакъ, а съ наступленіемъ весны, по указанію тунгусовъ, вышелъ на Лену при устьѣ р. Молоды, построилъ здѣсь два коча [2]) и снова спустился по Ленѣ въ Ледовитый океанъ, по которому плылъ пять дней въ направленіи къ востоку, и наконецъ достигъ устья р. Яны. Послѣ трехдневнаго плаванія вверхъ по этой рѣкѣ, Буза встрѣтилъ якутовъ, среди которыхъ и провелъ зиму. На Янѣ онъ построилъ четыре коча, на которыхъ въ слѣдующемъ 1639 году поплылъ внизъ по рѣкѣ, восточнымъ

---

[1]) Допол. къ акт. историч. т. 2-й. № 93.

[2]) Кочи—плоскодонныя суда, въ длину около 12 саженъ и менѣе.

рукавомъ ея достигъ р. Чендоны, гдѣ нашелъ живущихъ въ землянкахъ юкагировъ, обложилъ ихъ ясакомъ и прожилъ въ этихъ мѣстахъ до 1642 года [1]).

Въ тоже время, когда Буза открылъ р. Яну съ моря, нѣкто Постникъ Ивановъ открылъ р. Индигирку съ горной стороны. Въ 1636 г. онъ выступилъ изъ Якутска для открытія новыхъ земель съ 30 служилыми людьми. Вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ онъ отправился на коняхъ къ верховьямъ р. Яны и отсюда шелъ внизъ по этой рѣкѣ четыре недѣли до якутскихъ и тунгускихъ поселеній, собралъ съ нихъ ясакъ и отправился далѣе на лошадяхъ же вверхъ по р. Толстаку къ верховьямъ р. Индигирки. На пути онъ встрѣтилъ многихъ неясачныхъ тунгусовъ - ламутовъ. Прошедши внизъ по р. Индигиркѣ около четырехъ недѣль, Постникъ Ивановъ вступилъ въ землю юкагировъ, гдѣ основалъ зимовье, въ которомъ оставилъ 16 казаковъ для ясачнаго сбора, а самъ, собравши съ юкагировъ ясакъ, возвратился въ Якутскъ съ 15-ю товарищами, изъ которыхъ, впрочемъ, на своемъ пути еще оставилъ трехъ человѣкъ на р. Янѣ для ежегоднаго ясачнаго сбора. Въ Якутскѣ онъ доносилъ, что по р. Индигиркѣ живетъ много юкагировъ пѣшихъ и оленныхъ, что тамошнія мѣста богаты пушными звѣрями и рыбой и что, наконецъ, у туземныхъ жителей встрѣчается серебро, но откуда они его достаютъ, ему неизвѣстно [2]). Между тѣмъ оставленные Постникомъ Ивановымъ въ зимовьѣ казаки построили себѣ два коча и, плавая на нихъ по р. Индигиркѣ, завладѣли ею до самаго устья; затѣмъ предприняли плаваніе по Ледовитому морю далѣе на востокъ и доставили первыя свѣдѣнія о р. Алазеѣ.

Такимъ образомъ въ продолженіи какихъ - нибудь 7 — 8 лѣтъ на сѣверо - востокѣ Сибири были открыты громадныя пространства. Конечно, до полнаго изслѣдованія вновь откры-

---

[1]) Допол. къ акт. истор. т. II-й, № 86.

[2]) Допол. къ акт. истор. т. II-й № 88.

той области было еще далеко, но уже и теперь стало ясно, что пріобрѣтеніе этой страны будетъ весьма важно для Россіи въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ она была богата лучшими и цѣнными мѣхами. Понятно, что для окончательнаго покоренія и присоединенія этой области недостаточно было тѣхъ малочисленныхъ казаковъ, которые ежегодно посылались туда изъ Енисейска и изъ Якутскаго острога для изслѣдованія новыхъ странъ: они могли играть только роль піонеровъ, но не могли утвердить тамъ прочнаго и постояннаго господства русскихъ. Для достиженія этой цѣли нужно было учредить въ самомъ центрѣ области постоянную администрацію и постоянное войско, которое могло бы систематичнѣе заняться присоединеніемъ инородцевъ къ русскому государству.

Дѣйствительно, московское правительство рѣшилось отдѣлить вновь открытую область отъ вѣдѣнія енисейскаго воеводы и учредить въ ней свое воеводство, а также постоянное войско. Въ 1639 г. оно посылаетъ воеводами въ Якутскъ стольниковъ Петра Головина и Матвѣя Глѣбова [1]), поручивъ имъ взять съ собою въ новую Сибирскую землю для угрозы воинскихъ людей 395 человѣкъ съ пушками и пищалями. Новые воеводы шли въ Якутскъ довольно медленно. Эта медленность въ ихъ пути объясняется тѣмъ, что они должны были везти съ собою весьма большой обозъ съ боевыми и хлѣбными припасами; послѣднихъ было заготовлено на три года, потому что въ новой области туземцы не занимались хлѣбопашествомъ, а слѣдовательно всѣ хлѣбные запасы русскіе должны были везти съ собой. Для подъема и перевозки такого груза требовалось много народа и лошадей, между тѣмъ во всемъ этомъ чувствовался большой недостатокъ, такъ какъ жители, гдѣ не было ямовъ, иногда отказывались давать подводы даромъ, не смотря на то, что правительствомъ велѣно было вездѣ давать подводы безъ задержекъ. Такъ напр. въ Енисейскѣ всѣ слу-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время въ наиболѣе значительные города посылалось по два воеводы, одинъ былъ главный, а другой его товарищъ.

жилые, посадскіе, пашенные, торговые и промышленные люди, когда воевода енисейскій Веревкинъ потребовалъ подводъ и гребцовъ на суда, отвѣчали, что „до сихъ поръ въ подводахъ изъ Енисейскаго острогу не хаживали и гребцовъ не давывали и указу де государева о томъ не бывало и нынѣ нѣтъ же“; далѣе жаловались на тяжесть своего положенія и соглашались дать подводъ только подъ тѣмъ условіемъ, если даны будутъ имъ извѣстныя льготы. Не смотря на то, что воевода всѣхъ лучшихъ людей и старостъ пометалъ въ тюрьму и былъ на правежѣ, онъ всетаки не могъ добиться подводъ: „безъ государева де указу на насъ подводы велишь править, отвѣчали ему всѣ, и пошли въ розпь, т. е. разошлись [1]). Вслѣдствіе этого отказа Ленскимъ воеводамъ пришлось ѣхать на Ленскій волокъ своими людьми и наймиты. Кромѣ того во время самаго пути встрѣчалось много затрудненій, преодолѣвать которыя нужно было съ большими усиліями и большою потерею времени. На пути по рѣкамъ часто встрѣчались пороги, отчего приходилось выгружать изъ судовъ товары, нести ихъ на себѣ и, по миновапіи опасности, снова производить нагрузку. На нѣкоторыхъ порогахъ даже самыя суда нужно было подпимать по канатамъ: „а на иныхъ порогахъ многая была мѣшкота и простио, говорилось въ отпискѣ Головина, (многая была мѣшкота и простои) взводили, государь, суды по канатамъ, человѣкъ по семидесятъ и по осмидесятъ одно судно“. При такихъ трудностяхъ пути плаваніе отъ Енисейска до Ленскаго волока продолжолось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе позднаго времени воеводамъ привелось провести зиму на Ленскомъ волокѣ, откуда они послали въ Якутскъ 28 человѣкъ служилыхъ людей для того, чтобы не было въ иноземцахъ „шатости“. Новые воеводы прибыли въ Якутскъ только въ концѣ 1640 года [2]). Съ учрежденіемъ воеводства въ якутской области обслѣдованіе ее русскими и подчиненіе русскому влады-

---

[1]) Доп. къ акт. ист. т. 2, № 69.

[2]) Доп. къ акт. ист. т. 2, № 85.

честву туземныхъ племенъ принимаетъ систематическій характеръ. Вмѣстѣ съ внѣшнимъ постепеннымъ присоединеніемъ страны вводится въ нее внутренняя организація, которая касается порядка управленія туземцами и русскими, торговли и промышленности.

Въ первое время учрежденія воеводства въ Якутскѣ, изъ него были отправлены многочисленныя экспедиціи для открытій, потому что воевода обязанъ былъ тогда открыть и завоевать какъ можно большее пространство для сбора податей. Главнымъ побужденіемъ къ открытіямъ было, конечно, собираніе съ кочующихъ народовъ подати (ясака), особенно соболиныхъ мѣховъ, которые по мѣрѣ углубленія въ дикія лѣсистыя мѣстности становились лучше и цѣннѣе. Чѣмъ болѣе безстрашные открыватели и изслѣдователи новыхъ землицъ доставляли государю соболиныхъ сороковъ, тѣмъ больше возвышалась ихъ награда и увеличивалась самая извѣстность. Могущественнымъ поощреніемъ для воеводъ и служилыхъ людей въ ихъ стремленіи къ новымъ открытіямъ была и собственная выгода— богатая нажива при сборѣ мѣховъ.

Съ учрежденіемъ воеводства въ Якутскѣ открытія русскихъ въ южномъ направленіи отъ этого города производятся уже за границами Якутской области въ предѣлахъ Забайкалья и приамурской страны. Новыхъ же поисковъ и открытій спеціально въ южной части области теперь не дѣлается. Вѣроятно, нѣкоторыя земли этой части еще до учрежденія воеводства были болѣе или менѣе обслѣдованы и объясачены, такъ что здѣсь оставалось только поддерживать русскую власть увеличеніемъ числа остроговъ и постоянной посылкой въ нихъ служилыхъ людей; нѣкоторыя же части были совершенно не населены, а потому и не представляли интереса для русскихъ изслѣдователей. Въ 1656 году служилый человѣкъ Иванъ Игнатьевъ съ 12 товарищами ходилъ для изслѣдованія земель вверхъ по р. Нюгжѣ (впадаетъ въ Олекму), откуда прошелъ къ верховьямъ Алдана, вверхъ по которому проплылъ двад-

цать дней, но на своемъ пути нигдѣ не встрѣтилъ ни жилищъ, ни жителей [1]).

Между тѣмъ разсказы Перфильева, ходившаго на поиски вверхъ по Витиму и Ципирю, и другихъ служилыхъ людей доставляли заманчивыя свѣдѣнія о земляхъ забайкальскихъ и приамурскихъ, славившихся хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, рудниками и богатой торговлей. Поэтому-то русскіе обратили большое вниманіе на эти страны и стали неутомимо снаряжать туда экспедиціи для изслѣдованія и пріобрѣтенія такихъ богатыхъ земель.

Не смотря на чрезвычайно суровый климатъ, не смотря на трудности пути по снѣжнымъ пустынямъ и по Ледовитому океану, постоянно затертому льдами, не смотря на чрезвычайную скудость продовольствія, обслѣдованіе сѣверныхъ береговъ Ледовитаго океана производится съ упорною настойчивостію и постоянствомъ. Обслѣдованіемъ этимъ занимались не только служилые люди, но и промышленники, которые шли въ эти холодныя страны, побуждаемые къ многотруднымъ путешествіямъ надеждою на прибыльную торговлю съ прибрежными жителями страны. Они не рѣдко даже предупреждали открытіями служилыхъ людей.

Въ 1642 году возвратился изъ своихъ поисковъ въ сѣверныхъ краяхъ Якутской области Елисей Буза, о дѣйствіяхъ котораго я говорилъ выше, и привезъ съ собою троихъ юкагировъ-аманатовъ, которые разсказывали на разспросахъ, что между рѣками Яной и Индигиркой есть еще рѣка Нерога, впадающая въ Ледовитый океанъ, на которой недалеко отъ ея устья находится въ утесѣ серебряная руда, и что тамошніе жители богаты серебромъ. Получивъ это заманчивое извѣстіе, якутскіе воеводы снова посылаютъ Бузу „провѣдать на крѣпко про ту Нерогу: есть ли такая р. Нерога и если есть, то находится ли тамъ серебряная руда [2]). Дальнѣйшихъ свѣдѣній относительно Бузы и его вторичной экспедиціи мы не имѣемъ.

[1]) Доп. къ акт. ист. т. 4, № 35.

[2]) Доп. къ акт. ист. т. 2, № 99.

Но конечно поиски р. Нероги были тщетны по той причинѣ, что ея не существуетъ.

Въ 1646 г. якутскій казакъ Михаилъ Стадухинъ пришелъ въ Якутскій острогъ съ ясачнымъ сборомъ и принесъ первое извѣстіе о р. Колымѣ, на лѣвомъ берегу которой онъ основалъ Нижне-Колымское зимовье около ста верстъ отъ устья рѣки, въ которомъ и прожилъ два года, занимаясь сборомъ ясака. „А Колыма де рѣка велика, говорилъ онъ, есть съ Лену рѣку, идетъ въ море, а по той Колымѣ живутъ иноземцы оленные и пѣшіе сидячіе многіе люди, и языкъ у нихъ свой“. Къ западу отъ Колымы онъ нашелъ р. Чукочью, по берегамъ которой жили чухчи. Чухчи, какъ его увѣряли, промышляютъ моржей на одномъ „большомъ“ островѣ на Ледовитомъ океанѣ, лежащемъ противъ устья р. Чукочьей и будто бы составляющемъ одно съ Новой Землей „а тотъ де островъ Камень, въ мори поясъ, и промышленные люди смѣчаютъ все то одинъ идетъ, что ходятъ изъ поморья съ Мезени на Новую Землю, и противъ Енисейскаго и Тазовскаго и Ленскаго устья тотъ камень тожъ все одинъ, что называютъ Новой Землей“. Вѣроятно за Новую Землю они принимали одинъ изъ Крестовыхъ острововъ, находящійся противъ устья р. Чукочьей. Затѣмъ Стадухинъ принесъ извѣстіе о р. Нагычѣ (къ востоку отъ Колымы) богатой соболями [1]). Извѣстія Стадухина возбудили къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ, какъ служилыхъ, такъ и промышленныхъ людей. Казакамъ и промышленникамъ, недавно зашедшимъ во вновь покоренную ими страну, но уже привыкшимъ къ трудамъ и лишеніямъ кочевой жизни, достаточно было услышать о новомъ независимомъ и богатомъ моржевымъ зубомъ народѣ, чтобы предпринять поиски въ неизвѣстныя мѣста, гдѣ открывалось новое поле для ихъ неутомимой дѣятельности и для наживы.

Первое плаваніе по Ледовитому океану на востокъ отъ устья р. Колымы предпринялъ во главѣ промышленниковъ въ

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист. т. 3, № 24.

1646 г., Исай Игнатьевъ, родомъ изъ Мезени. Проплывъ по Ледовитому морю въ восточномъ направленіи около двухъ сутокъ, они вошли въ губу, окруженную скалами материка, гдѣ встрѣтили чукчей, съ которыми и открыли торговлю оригинальнымъ способомъ. Не зная чукотскаго языка, они разложили свои товары на берегу; чукчи, выбравъ изъ этихъ товаровъ что имъ нравилось, съ своей стороны выложили на мѣсто взятаго извѣстное количество моржевыхъ зубовъ. Обмѣнявъ такимъ способомъ свои товары, Исай Игнатьевъ съ товарищами возвратился на Колыму [1]).

Въ слѣдующемъ году прикащикъ московскаго купца гостинной сотни, Алексѣя Усова, Ѳедотъ Алексѣевъ, холмогорецъ, и казакъ Семенъ, Ивановъ сынъ, Дежневъ, отправленный въ предпринимаемое путешествіе для соблюденія интересовъ казны, съ обществомъ промышленниковъ, въ іюнѣ вышли на четырехъ кочахъ изъ устья р. Колымы и отправились въ море отыскивать рѣку Анадырь, которая, по слухамъ, должна впадать въ Ледовитое море; но, встрѣтивъ на пути множество льдовъ, которые не дозволяли продолжать путешествіе, они возвратились назадъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

Въ этомъ же 1647 г. былъ отправленъ изъ Якутска Михаилъ Стадухинъ, которому приказано было отыскать р. Нагычь и привести въ подданство прибрежныхъ жителей. Стадухинъ вышелъ изъ Колымы для отысканія Нагычи въ 1649 г. на двухъ кочахъ, но одинъ кочъ разбило при самомъ выходѣ въ море. Проплывъ подъ парусомъ на востокъ семь сутокъ и не видя никакой рѣки, Стадухинъ присталъ къ берегу съ тѣмъ, чтобы узнать отъ туземныхъ жителей объ отыскиваемой рѣкѣ, но туземцы—коряки—не могли дать относительно этого никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ у путешественниковъ обнаружился крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, вслѣдствіе чего они должны были возвратиться послѣ безуспѣшнаго плаванія.

---

[1]) Сибирск. Вѣстн. 1821 г., часть 15.

Между тѣмъ Дежневъ и его бывшіе ступники, не смотря на неудачу своего перваго плаванія, не потеряли надежды отыскать р. Анадырь и на другой же годъ послѣ возвращенія изъ перваго путешествія, т. е. въ 1648 г., снарядивъ семь кочевъ, 20 іюня изъ Колымы пустились въ море отыскивать устье Анадыря. Участь четырехъ изъ этихъ кочевъ неизвѣстна; остальными тремя начальствовали: Семенъ Дежневъ, промышленный Ѳедотъ Алексѣевъ, участвовавшіе въ первыхъ поискахъ, и казакъ Герасимъ Анкудиновъ. Во время плаванія по морю разбило кочъ Герасима Анкудинова и находившіеся на немъ люди перебрались на остальныя два судна. 20-го сентября, т. е. послѣ трехъ мѣсячнаго плаванія по Ледовитому морю, у путешественниковъ произошла драка съ встрѣтившимися на берегу чукчами, во время которой былъ раненъ Ѳедотъ Алексѣевъ. Вскорѣ послѣ этой стычки съ чукчами бурей разнесло оба коча, и они уже болѣе не соединялись. Дежнева „носило по морю послѣ Покрова Богородицы всюда неволею, и выбросило на берегъ въ передній конецъ за Анадырь рѣку“. Нужно замѣтить, что Дежневъ мало говоритъ о своихъ приключеніяхъ на морѣ и о тѣхъ препятствіяхъ, которыя могли встрѣчаться ему отъ льдовъ, вѣтровъ и т. п. мало, также описываетъ характеръ и направленіе берега отъ Колымы до Берингова пролива. Онъ только болѣе подробно останавливается на описаніи большаго Чукотскаго носа, который онъ отличаетъ отъ носа, находящагося при р. Чукочьей „а не тотъ носъ, который отъ Чухочьи рѣки лежитъ, до того носу Михаилъ Стадухинъ не доходилъ“. Носъ этотъ, по описанію Дежнева вышелъ далеко въ море и лежитъ между сѣверомъ и сѣверо-востокомъ „промежъ сиверъ на полуношникъ“ и поворачивается кругомъ до р. Анадыря „а добраго побѣгу отъ носа до Онодыри рѣки трои сутки, а болѣ нѣтъ“. На Русской сторонѣ носа „вышла рѣчка, становье тутъ у Чухочъ дѣлано, что башни изъ кости китовой“. Противъ носа лежатъ два острова, на которыхъ живутъ Чукчи съ прорѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками моржевыхъ клыковъ „а врѣзываны у нихъ зубы,

прорѣзываны губы, кость рыбей зубъ" [1]). Судя по подробному описанію Чукотскаго носа, можно съ достаточною вѣроятностію предполагать, что Дежневъ и его спутники совершили отважное плаваніе въ Великій океанъ и первые прошли проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки и впослѣдствіи названный Беринговымъ.

Возвратимся къ Дежневу и его товарищамъ. Выброшенный на берегъ Дежневъ и его 25 товарищей скитались цѣлыхъ десять недѣль по неизвѣстной странѣ, отыскивая р. Анадырь и не встрѣчая ни одного живого существа. Наконецъ они вышли къ устью Анадыри, въ мѣстность безлѣсную и необитаемую, гдѣ пришлось имъ терпѣть страшныя лишенія отъ голода и холода, вслѣдствіе чего спутники Дежнева рѣшились отправить для развѣдокъ вверхъ по р. Анадырю 12 человѣкъ, которые впродолженіи двадцати дней шли впередъ, но не встрѣтивъ на пути никакихъ жителей, рѣшились возвратиться въ станъ. Большая часть ихъ погибла отъ голода и изнеможенія и только двое возвратились въ станъ Дежнева. Наконецъ самъ Дежневъ съ оставшимися при немъ 12-ю товарищами на судахъ пустился вверхъ по р. Анадырю, гдѣ встрѣтился съ малочисленнымъ поколѣніемъ туземцевъ, называвшихся анаулами, съ которыхъ онъ взялъ небольшой ясакъ. Дежневъ основалъ на р. Анадырѣ зимовье, въ которомъ и встрѣтили его въ 1650 году служивые и промышленные люди, пришедшіе съ Колымы подъ начальствомъ Семена Моторы. Узнавъ на Колымѣ отъ плѣнныхъ ходынцевъ, обитавшихъ по верховьямъ р. Анюя, что р. Анадырь впадаетъ не въ Ледовитый океанъ и что кратчайшій путь на нее нужно искать сухимъ путемъ по горамъ, эти промышленные люди, по указанію взятыхъ ходынцевъ, съ Колымы вверхъ по Анюю, потомъ сухимъ путемъ чрезъ Камень, достигли Анадыри и соединились съ Дежневымъ и его товарищами.

Михаилъ Стадухинъ, безуспѣшно искавшій устье р. Погыча въ Ледовитомъ морѣ, также отправился на Анадырь су-

[1]) Допол. къ акт. ист. т. 4-й № 7-й.

химъ путемъ, провелъ въ пути семь недѣль, обошелъ стороною зимовье Дежнева, съ которымъ находился въ ссорѣ, и дѣйствовалъ отъ него отдѣльно, простирая свои поиски къ Охотскому морю. Между тѣмъ Дежневъ дѣйствовалъ за одно съ Моторой.

Въ 1651 году они построили на р. Анадырѣ суда, намѣреваясь отправиться на нихъ въ море для новыхъ открытій, но намѣренія ихъ не исполнились, въ концѣ года Мотора былъ убитъ въ одномъ изъ сраженій съ анаулами. Дежневъ не прекратилъ своихъ поисковъ. Лѣтомъ 1652 г. онъ спустился внизъ по Анадырю до самаго устья этой рѣки, гдѣ открылъ коргу (отмель), на которой собиралось множество моржей: „а звѣря на коргу вылегаетъ добре много, на самомъ мысу вкругъ съ морской стороны на полъ версты и больше мѣста, а въ гору саженъ на тридцать и на сорокъ"... Въ 1654 г. Дежневъ снова ходилъ на промыслы въ море, къ коргѣ, взявъ съ собой казака Юшку Селивестрова, присланнаго изъ Якутска съ приказаніемъ промышлять въ пользу казны моржевые зубы. Этотъ Селивестровъ, участвовавшій въ прежнемъ плаваніи по Ледовитому морю Михаила Стадухина, утверждалъ, что онъ и Стадухинъ открыли эту мель въ первое морское путешествіе (1649 г.). Притязанія Селивестрова на первенство открытія корги, побудили Дежнева писать отписки, въ которыхъ опровергаетъ Селивестрова и въ которыхъ находятся нѣкоторыя извѣстія о знаменитомъ плаваніи Дежнева. Въ этихъ отпискахъ можно найти хотя краткое, но опредѣленное описаніе характера мѣстности вновь открытой прианадырской страны: „а рѣка Анадырь не лѣсна и соболей по ней мало, съ вершины малой листьякъ днищей на шесть или на семь, а иного чернаго лѣсу нѣтъ никакого кромѣ березнику и осинника, и отъ малаго маена (правый притокъ Анадыри) кромѣ тальника нѣтъ лѣсу никакаго, а отъ береговъ лѣсу не широко, все тундра да камень; а той рѣкѣ Анадырѣ чертежъ съ Онюя рѣки и за камень на вершину Анадыру и которыя рѣки впали большіе и малые и до моря

и до той корги, гдѣ вылягаетъ звѣрь; а ходу съ вершины Анадыру до Анадырскаго зимовья съ камени грузными нартами недѣли двѣ или больше"... Въ томъ же 1654 году Дежневъ, продолжая плаваніе у береговъ моря, отбилъ у Коряковъ якутку, жившую прежде съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ, отъ которой узналъ, что Ѳедотъ и Герасимъ Анкудиновъ умерли отъ цынги, многіе изъ ихъ товарищей убиты, а остальные немногіе уплыли на лодкахъ, но куда неизвѣстно [1].

Такимъ образомъ Дежневъ цѣлыхъ шесть лѣтъ (съ 1648 по 1654 годъ) провелъ въ прианадырской странѣ въ неутомимой дѣятельности; воевалъ съ Анаулами, Ходынцами и Коряками, плавалъ по Анадырю вверхъ, отыскивая горою путь къ Колымѣ, и внизъ, выходя въ море для промысловъ моржеваго зуба. Дальнѣйшая судьба Дежнева неизвѣстна; неизвѣстно даже, возвратился ли онъ изъ этого края, или погибъ среди дикихъ туземцевъ. Плаваніемъ и отписками Дежнева оканчиваются въ 17 столѣтіи открытія и изслѣдованія Русскими сѣверныхъ странъ Якутской области. Изъ предшествующаго изложенія видно, что, хотя при подчиненіи сѣвера Якутской области подъ власть Московскаго государства, русскіе встрѣчали весьма слабое сопротивленіе со стороны туземнаго населенія, но тѣмъ не менѣе экспедиціи на сѣверъ представляли весьма много трудностей. Русскимъ нужно было имѣть громадную предпріимчивость, терпѣніе и силу духа, чтобы переносить всѣ бѣдствія, причиняемыя климатомъ, недостаткомъ пищи и главнымъ образомъ опасностями плаванія по Ледовитому морю. Сколь трудно и опасно было плаваніе по Ледовитому океану можно видѣть изъ описанія плаванія Булдакова.

Въ 1649 г. Тимофей Булдаковъ былъ отправленъ изъ Якутска на р. Колыму для завѣдыванія тамошнимъ острогомъ. Вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ онъ не могъ добраться до моря въ одно лѣто и потому остановился зимовать въ Жиганскѣ,

---

[1]) Допол. къ акт. ист. т. 4, № 7.

откуда, по наступленіи лѣта, и выплылъ 2-го іюля на взморье, гдѣ простоялъ по причинѣ противныхъ вѣтровъ четыре недѣли. Съ этихъ поръ начинается для Булдакова и его товарищей непрерывный рядъ бѣдствій и тяжелыхъ испытаній. По наступленіи попутнаго вѣтра, кочъ Булдакова подъ парусомъ поплылъ къ Омолоевой губѣ, но здѣсь его затерло льдами, съ которыми носило по морю восемь дней. Наконецъ льды прибило къ острову противъ устья Лены. Пробиваясь два дня между льдами кочъ присталъ къ острову, гдѣ простоялъ шесть дней, такъ какъ вѣтра были непостоянны и противны. Когда Булдаковъ замѣтилъ, что море очистилось отъ льда, то снова пустился съ своими товарищами на кочѣ къ Омолоевой губѣ, гдѣ опять затерло ихъ льдами, изъ которыхъ съ большимъ трудомъ удалось имъ выбиться назадъ къ устью Лены. Здѣсь съ ними соединилась восемь кочей служивыхъ и промышленныхъ людей, готовыхъ отплыть въ море. По наступленіи благопріятнаго вѣтра всѣ эти кочи вмѣстѣ поплыли къ Омолоевой губѣ, въ которой однако былъ наносный ледъ, отчего приходилось плыть съ большими затрудненіями; на другой сторонѣ губы протокъ между островомъ и берегомъ, гдѣ обыкновенно ходили кочи, оказался совершенно затертымъ льдами. Путешественники общими усиліями просѣкли льды и провели свои кочи ближе къ берегу, держась котораго въ однѣ сутки доплыли до устья р. Яны; тутъ опять имъ встрѣтились большіе льды и только благодаря отлогости морскаго берега, препятствующей большимъ льдинамъ приближаться къ нему, они, слѣдуя подлѣ берега, благополучно, хотя и съ большимъ трудомъ, миновали Святой носъ и достигли Хромой губы. Губа эта была наполнена огромными льдинами, которые затрудняли плаваніе кочей, но имъ еще болѣе приносили вреда тонкіе льды, покрывшіе море и образовавшіеся отъ ночныхъ морозовъ; они рѣзали края кочей. Но вотъ 30 Августа замерзло все море и пять кочей встали недалеко отъ берега, на глубинѣ одной сажени. Чрезъ три дня ледъ сдѣлался толщиною въ ладонь и Булдаковъ съ товарищами хотѣлъ перетащить весь

грузъ съ кочей на берегъ, какъ вдругъ подулъ сильный вѣтеръ съ берега, которымъ изломало ледъ и кочи отнесло вмѣстѣ со льдомъ въ море, гдѣ ихъ носило пять дней. Наконецъ вѣтры утихли и море снова покрылось льдомъ, такъ что на третій день можно было ходить по льду. Тогда Булдаковъ началъ посылать по нѣскольку человѣкъ для провѣдыванія земли, которые на разстояніи дня отъ коча Булдакова усмотрѣли бывшій съ ними кочъ казака Андрея Горѣлова. Тогда Булдаковъ рѣшился свезти партами весь грузъ съ пяти бывшихъ при немъ кочей къ кочу Горѣлова, такъ какъ онъ по предположенію былъ ближе къ землѣ. Дѣйствительно, парты были сдѣланы и нагружены, какъ вдругъ въ морѣ прибыла вода и разломала ледъ, хотя онъ былъ уже въ поларшина толщиною. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялся сильный вѣтеръ и погналъ льды, на которыхъ находился Булдаковъ съ товарищами, въ море, по которому ихъ носило 5 сутокъ, послѣ чего вѣтеръ стихъ и начались небольшіе морозы. Спутники Булдакова были въ отчаяніи, положеніе ихъ было ужасное: кочи ихъ были переломаны, сами они были страшно изнурены цынгою, стужею, голодомъ и трудомъ. Для своего спасенія отъ очевидной гибели они рѣшились на послѣднее средство: взявъ каждый сколько могъ самаго для себя необходимаго, всѣ отправились по направленію къ берегу. Во время пути имъ привелось терпѣть страшные труды, такъ ледъ подъ ихъ ногами изломало и они должны были перебираться съ одной льдины на другую съ помощію шестовъ и веревокъ „и мы на партахъ и веревкахъ другъ друга переволачивали, и съ льдины на льдину перепихивались, и идучи по льду кормъ и одежу на ледъ метали, а лодокъ отъ кочей съ собою не взяли, потому что моремъ идучи оцынжали, волочь не въ мочь, на волю Божію пустились, а отъ кочей шли по льду до земли девять дней“. Наконецъ они вышли на берегъ близь устья р. Индигирки и послѣ многихъ трудовъ и лишеній достигли Уяндинскаго зимовья [1]).

[1]) Доп. къ Акт. Ист. т. 3, № 79.

Цѣной такихъ усилій Якутская область была въ продолженіе 20 лѣтъ вполнѣ открыта и подчинена русскому владычеству и во всѣхъ важныхъ пунктахъ ея были основаны остроги для наблюденія и удержанія въ покорности туземцевъ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію внутренняго устройства Якутской области, ея администраціи и узаконеній правительства касающихся русскихъ промышленныхъ и торговыхъ людей и положенія инородцевъ подъ новой властью Московскаго государства.

Въ Якутской области было обыкновенно по два воеводы вмѣстѣ, одинъ считался главнымъ, а другой его товарищемъ; на помощь имъ давался дьякъ, который велъ всю канцелярскую часть. Обязанности и права воеводъ видны изъ наказовъ, которые имъ давались при назначеніи на воеводскую должность. Въ рукахъ воеводъ сосредоточивалась какъ гражданская, такъ и военная власть; всѣ служилые люди, т. е. войска, находившійся въ области были въ ихъ полномъ распоряженіи: онъ могъ посылать ихъ для усмиренія возмутившихся, для отысканія и покоренія новыхъ земель и для охраны остроговъ. Каждый воевода, по пріѣздѣ на мѣсто своего назначенія, долженъ былъ, прежде всего взять у своего предшественника всѣ государевы грамоты и областную печать. Затѣмъ взять городскіе ключи, осмотрѣть укрѣпленія и провѣрить всѣ запасы, находящіеся въ городѣ, какъ хлѣбные, такъ и военные; далѣе провѣрить по книгамъ казну и количество мягкой рухляди. Наконецъ воеводы, по своемъ пріѣздѣ, должны собрать въ воеводскую избу изъ каждой волости по два лучшихъ ясачныхъ человѣка, выйти къ нимъ въ цвѣтномъ платьѣ въ сопровожденіи служащихъ, также прилично одѣтыхъ и вооруженныхъ, и объявить имъ жалованное царское слово, объяснивъ, что государь прислалъ воеводъ для охраны ихъ покоя и имущества отъ притѣсненія и корыстолюбія и спросить, не было ли имъ какихъ обидъ и притѣсненій отъ прежнихъ воеводъ. Наконецъ, угостивъ ихъ на казенный счетъ, распустить по домамъ, наказавъ при этомъ, „чтобы они государевъ ясак и поминки готовя по вся годы приносили сполна“.

По вступленіи въ управленіе областью воевода долженъ былъ держать городъ и остроги съ осмотрительностью отъ непріятеля, чинить судъ и расправу по справедливости и какъ можно стараться объ отысканіи новыхъ земель, объ ихъ присоединеніи подъ власть Московскаго государя и главнымъ образомъ объ увеличеніи сбора ясака [1]).

Для удобнѣйшаго сбора ясака и удержанія ясачныхъ людей въ подданствѣ, пространства, на которыхъ обитали кочевые и бродячіе инородцы, объясаченные русскими, раздѣлялись на округи, называвшіеся улусами, въ которыхъ ставились остроги, обнесенные палисадами и зимовья или малыя остроги, а иногда нѣсколько избъ, ничѣмъ не огражденныхъ, которыя назывались также зимовьями. Нѣкоторыя зимовья не имѣли постояннаго гарнизона и служили мѣстомъ пріюта во время сбора ясака для ясачныхъ сборщиковъ и казаковъ; но болѣе важные остроги всегда имѣли постоянный, хотя и не многочисленный гарнизонъ, который смѣнялся чрезъ каждые три года новымъ гарнизономъ. Назначеніе начальника острога и смѣна гарнизоновъ вполнѣ зависѣла отъ воеводъ. Завѣдующимъ острогами давались отъ воеводъ наказы, въ которыхъ излагались инструкціи для ихъ дѣйствій, во многомъ сходныя съ инструкціями даваемыми воеводамъ. На ихъ обязанности лежало принятіе острога отъ предшественника, исправный сборъ ясака, ласковое обхожденіе съ подвластными, правильное веденіе списковъ ясачнымъ людямъ и собираніе ясака, наблюденіе за служивыми, торговыми и промышленными людьми, чтобы они не производили мѣны своихъ товаровъ на мягкую рухлядь иноземцевъ прежде сбора ясака. Далѣе, начальники остроговъ должны были строго слѣдить за тѣмъ, чтобы сборщики ясака не брали себѣ мягкой рухляди у ясачныхъ людей за поноровку въ ясакѣ, или насильно, если же у кого окажется такая мягкая рухлядь, то ее отбирать въ казну.

---

[1]) Доп. къ акт. ист. Наказы якутскимъ воеводамъ, объ отправленіи ими должности.

Если служилые люди, собравъ ясакъ, дорогою будутъ прятать его у ясачныхъ людей съ цѣлію завладѣть самимъ, то этихъ служилыхъ людей предписывалось „бить батоги нещадно, а ихъ рухлядь отбирать на государе“. Начальники остроговъ должны были внушать туземцамъ, чтобы они, оставшуюся отъ сбора ясака и поминокъ рухлядь въ иные немирные землицы, которые не подъ государевою высокою рукой, не отвозили и за свой счетъ не торговали. Наконецъ въ острожкахъ по башнямъ приказывалось имѣть постоянные караулы днемъ и ночью; аманатовъ велѣно было держать въ аманатскихъ избахъ, въ казенкахъ за запоромъ и въ желѣзахъ за крѣпкою стражей, чтобы не могли освободить ихъ родственники и другіе немирные люди [1]). Каждый годъ начальники остроговъ и зимовій, а также служивые люди, посылаемые за сборомъ ясака, должны были присылать собранный съ инородцевъ ясакъ въ Якутскій острогъ, при росписяхъ; гдѣ этотъ ясачный сборъ, по приказанію воеводы, торговые и промышленные люди разбирали по сортамъ, цѣнили прямой сибирской цѣной и, написавъ оцѣночные списки, прикладывали подъ эти списки свои руки. Послѣ этого весь ясачный сборъ запечатывался государевою печатью („а государева печать въ Якутскомъ острогѣ серебреная, вырѣзанъ на ней орелъ поймалъ соболя, около орла вырѣзано: печать государева новые Сибирскіе земли, что на Великой рѣкѣ Ленѣ“), потомъ вмѣстѣ съ ясачными книгами и оцѣночными росписями отсылался подъ охраной служилыхъ людей въ Москву въ сибирскій приказъ [2]). Ознакомившись съ управленіемъ, разсмотримъ распоряженія правительства относительно промышленности въ якутской области.

Такъ какъ инородцы якутской области не имѣли никакихъ понятій о земледѣліи, то всѣ хлѣбные запасы для русскихъ должны были доставляться туда изъ Тобольска и даже изъ Россіи, что конечно было во 1-хъ весьма неудобно, а во

---

[1]) Допол. къ акт. ист. т. 4, № 30, 46, 87 и др.

[2]) Тамъ же т. 4, № 46.

2-хъ обходилось казнѣ очень дорого. Весьма естественно поэтому, что правительство Московское, стремившееся къ тому, чтобы какъ можно увеличить доходы съ новой области и уменьшить на нее расходы, пришло къ мысли распространить земледѣліе во вновь покоренной странѣ. На первыхъ же порахъ присоединенія области, правительство приказываетъ воеводамъ Головину и Глѣбову осмотрѣть по р. Ленѣ и ея притокамъ мѣстности, удобныя для развитія хлѣбопашества и сѣнокосовъ и сдѣлать соображеніе, сколько можно поселить на этихъ мѣстахъ пашенныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого приказанія Якутскіе воеводы Глѣбовъ и Головинъ послали для осмотра и описанія пашенныхъ земель пятидесятника Баландина, который представилъ имъ роспись слѣдующимъ мѣстамъ удобнымъ для заселенія хлѣбопашцами: по обѣ стороны р. Илима до Ленскаго волоку, отъ устья Куты по р. Ленѣ внизъ до устья Киренги и далѣе до Тунгусскаго волоку; а въ окрестностяхъ Якутска „хлѣбной пашни не чаять, земля и среди лѣта вся не растаиваетъ“ [1]). По полученіи этой росписи Якутскіе воеводы писали Енисейскому воеводѣ „чтобы онъ велѣлъ въ Енисейскомъ острогѣ на торгу и въ деревняхъ прокликать не по однажды: кто похочетъ изъ гулящихъ и изъ промышленныхъ людей въ государеву пашню садитца на Илимѣ рѣкѣ, и имъ льготы на пять лѣтъ, а послѣ льготы давать имъ на государя ото всей своей пахоты пятый снопъ; а на Ленѣ рѣкѣ, которые похотятъ въ пашню же сѣсть, и тѣмъ изъ государевы казны на лошадь деньги не въ отдачу, а на другую лошадь дать денегъ взаймы изъ государевы же казны на два года, да имъ же изъ государевой казны серпы, и косы и сошники, и на государевы десятины сѣмяна по вся годы государевы, а пахать имъ на государя до государева указу съ перваго году семую десятину въ полѣ, а въ двухъ (т. е. озимомъ и яровомъ) потомужъ“. Должно замѣтить однако что первоначальныя поселенія по означеннымъ мѣстамъ производились не на тѣхъ условіяхъ, которыя изложены выше, а на другихъ.

[1]) Доп. къ акт. ист. т. 2, № 90.

Первыми поселились на новыхъ мѣстахъ Ерофей Хабаровъ, прославившійся впослѣдствіи открытіемъ Амурскаго края и Пантелей Яковлевъ Устюженинъ. Первый поселился на устьѣ р. Киренги, а второй на Тунгускомъ волоку на слѣдующихъ условіяхъ: Пантелею Устюженину давалось отъ казны на лошадь и обзаведеніе 30 руб. не въ отдачу, и еще 30 руб. заимообразно на два года, „а пахать ему на государя съ перваго года десятая десятина въ полѣ, а въ двухъ потомужъ, а сѣмена ржаные и яровые на ту десятину давать государевы". Хабаровъ же долженъ былъ засѣвать государеву десятину на свой счетъ [1]). Вслѣдъ за ними начинаютъ поселяться и другіе на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ поселился Пантелей Устюженинъ. Но при этомъ сверхъ обработки десятины на государя, новые поселенцы должны были платить десятую часть урожая со своихъ полей. Десятина эта бралась слѣдующимъ образомъ: весь сжатый хлѣбъ раздѣлялся на три сорта лучшій, средній и плохой и изъ каждаго сорта бралось по десяти сноповъ со ста; эти снопы должны были обмолотить пашенные люди и уже обмолоченный хлѣбъ поступалъ въ государевы амбары [1]). Хлѣбъ такимъ образомъ собираемый шелъ на продовольствіе войска, находящагося въ области, хотя, конечно, этого хлѣба было недостаточно, такъ какъ число хлѣбопашцевъ было небольшое, а потому доставка хлѣба изъ Тобольска въ XVII стол. не прекращалась. Якутскимъ воеводамъ дѣлались также постоянныя подтвержденія, чтобы они отыскивали серебряную и золотую руду; но всѣ поиски и разспросы инородцевъ о мѣстахъ нахожденія руды оказались напрасными—никакихъ рудъ въ Якутской области не нашлось.

Правительство обратило также вниманіе на добываніе моржевыхъ зубовъ и мамонтовыхъ костей. Когда правительство узнало изъ отписокъ Стадухина, Селивестрова и Дежнева, что по берегамъ Ледовитаго океана лежитъ много заморской

---

[1]) Доп. къ акт. ист. т. 2, № 92.

[1]) Тамъ же № 73.

кости (т. е. мамонтовой), а также въ огромномъ количествѣ выплываютъ моржи на извѣстныя мѣста и что охота за этими моржами можетъ дать большую прибыль казнѣ, то немедленно же отправило Якутскимъ воеводамъ грамоту, въ которой приказывалось имъ посылать служилыхъ людей на промыслы за этою мамонтовою костью. „И тое кость привозить въ Якутскъ а изъ Якутска присылать въ Москву, а велѣли бы служилымъ людемъ ту рыбью кость добывати на насъ ежегодно безденежно [1]). Равнымъ образомъ правительство сдѣлало распоряженіе и о томъ, чтобы посылать служилыхъ людей за промыслами моржевыхъ костей, „давъ имъ (т, е. служилымъ людемъ) для промыслу того рыбья зубу желѣзныя спицы и иной рыбья зубу всякой промышленный заводъ". При этомъ служилые люди должны были промышлять моржевую кость исполу, т. е. половину отдавать въ пользу казны, а другую брать себѣ; да кромѣ того съ своей половины они должны были давать въ пользу казны еще десятую часть „а что за десятою останется, имати на насъ же въ цену, и давити имъ изъ нашіе казны за большую кость по 15 и по 20 рублей, а за меншую кость по 12 рублей за пудъ [2]) что же касается до вольныхъ промышленыхъ людей, то они платили на государя за свои промыслы десятую часть лутчимъ рыбьимъ зубомъ". Да кромѣ того самые лучшіе и большіе кости записывались на государя [3]). Судя по большому количеству добываемой въ то время кости и по ея цѣнѣ, эта отрасль промышленности, можно думать, доставляла казнѣ очень большую прибыль.

Относительно торговыхъ людей, пріѣзжавшихъ въ якутскую область съ своими товарами и хлѣбными запасами, съ цѣлію мѣны этихъ товаровъ на мѣха инородцевъ, были слѣдующія постановленія. При въѣздѣ въ якутскую область эти торговые люди обязаны были явиться въ таможню и предста-

---

[1]) Тамъ же т. 3, № 97.

[2]) Тамъ же т. 4, № 45.

[3]) Тамъ же т. 3, № 98.

вить проѣзжія грамоты на свои товары, по этимъ грамотамъ таможенный голова или же цѣловальникъ провѣрялъ привозные товары и, если оказывалось товаровъ болѣе, чѣмъ значилось въ проѣзжихъ, и государева отъѣзжая и десятая пошлина не взята, но эти лишніе товары отбирались и записывались на государя. Торговать съ инородцами торговымъ и промышленнымъ людямъ въ ясачныхъ волостяхъ и въ улусахъ и въ новыхъ землицахъ строго воспрещалось прежде сбора государева ясака. Точно также предписывалось строго наблюдать, чтобы торговые и промышленные люди въ зимовьяхъ вина, и пива, и браги, и табаку не держали и не торговали. Слѣдуетъ замѣтить, что инородцы Якутской области были большіе охотники до вина и табаку и готовы были за эти двѣ вещи отдавать лучшіе свои мѣха, что конечно было бы весьма убыточно для казны, поэтому-то правительство воспрещало курить и держать вино частнымъ лицамъ и жестоко наказывало ослушниковъ. Власти якутскія должны были также слѣдить, чтобы торговые и промышленные люди, по окончаніи своихъ промысловъ не проѣзжали мимо Якутскаго острога, а являлись въ якутскую таможню таможенному головѣ и цѣловальникамъ, которые брали десятую пошлину съ товаровъ лучшимъ звѣремъ; затѣмъ лучшіе изъ оставшихся мѣховъ покупали на государя и наконецъ, взявши отъѣзжихъ пошлинъ съ рубля по деньгѣ, выдавали на всѣ товары и на мягкую рухлядь проѣзжія грамоты по одной на лицо, за государевою ленскою таможенною печатью, которая изображала собою барса, поймавшаго соболя съ надписью „печать государева Сибирскаго государства великіе Лены рѣки таможенная“. Если же торговые и промышленные люди станутъ торговать между собой соболиной мягкой рухлядью, то съ нихъ берется десятая и перекупная пошлина съ торговаго и промышленнаго человѣка съ рубля по алтыну, а со служилыхъ съ рубля по двѣ гривны, покупщикъ же платитъ десятую пошлину товаромъ.

Какъ воеводы, такъ и всѣ должностныя лица не должны были заводить торговлю ни въ городѣ, ни въ ясачныхъ воло-

стяхъ чрезъ родственниковъ, служащихъ или постороннихъ угодниковъ, подъ опасеніемъ опалы. „и товаровъ съ собою (говорилось въ наказахъ воеводамъ) съ Руси въ Сибирь и съ Сибирскихъ городовъ на Лену рѣку, опричь государевыхъ и своихъ указныхъ запасовъ, ничего не возити, и съ ясачными и торговыми и промышленными людьми ничѣмъ не торговати и надъ служилыми людьми смотрити и беречи того накрѣпко, чтобы они вина и табаку и товаровъ никакихъ не имали и не возили, и на Ленѣ рѣкѣ въ острожки и по ясакъ ходячи съ ясачными людми на мягкую рухлядь не мѣняли, и ничѣмъ не торговали".

Изъ грамотъ къ якутскимъ воеводамъ видно, что якутская область вскорѣ послѣ ея завоеванія назначается правительствомъ мѣстомъ ссылки для всякаго рода людей, чѣмъ либо провинившихся въ Россіи. При этомъ приказывалось даже зачислять ихъ въ ней на службу, смотря по ихъ званію и способностямъ. Такъ въ грамотѣ 1649 г., якутскому воеводѣ Францебекову говорится, чтобы воеводы „верстали въ службу ссыльныхъ людей, которыхъ по нашему указу велѣно верстати въ службу" [1]).

Племена, обитавшія въ якутской области, не составляли болѣе или менѣе сплоченныхъ обществъ; напротивъ онѣ были разсѣяны по лѣсамъ и тундрамъ области не большими группами, состоявшими изъ одного или нѣсколькихъ родовъ и не имѣвшими никакой зависимости другъ отъ друга. Въ каждомъ родѣ былъ старѣйшина, или какъ называли русскіе князецъ, который и завѣдывалъ всѣми немногосложными дѣлами своего рода. Съ приходомъ русскихъ и съ покореніемъ ихъ власти инородцевъ внутренній строй ихъ быта оставался неизмѣненнымъ. Зависимость инородцевъ отъ русскаго правительства обозначалась присягой на вѣрность московскому государю и главнымъ образомъ платежемъ различнаго рода поборовъ, которые произвели большое измѣненіе въ экономическомъ положеніи инородцевъ и извѣстно подъ именемъ ясака. „И тѣхъ

[1]) Доп. къ акт. ист. т. 3, № 63.

иноземцевъ лутчихъ людей (говорилось въ наказахъ) приводить по ихъ вѣрѣ къ щертѣ (присягѣ) на томъ, чтобы государю служить и прямить и добра во всемъ хотѣть, и ясакъ съ себя и съ своихъ улусныхъ людей платили полной, и государевыхъ людей не побивать и не грабить, и быть подъ его царскою высокою рукою со всѣмъ своимъ родомъ и съ улусными людми на вѣки неотступно въ прямомъ холопствѣ". Обыкновенно разъ взятый съ какого нибудь рода ясакъ влекъ за собою уже постоянную обязанность подданства. Ясакъ съ инородцевъ брался всегда разнаго рода пушными товарами, какъ-то: соболями, бобрами, лисицами, песцами и пр. брали даже шубы съ туземцевъ. При этомъ требовалось, чтобы ясакъ платился самыми лучшими мѣхами. А съ тѣхъ инородцевъ, у которыхъ не было мѣховъ и которые занимались моржевымъ промысломъ, ясакъ брался моржевыми клыками. Ясакъ былъ трехъ родовъ: во 1-хъ податной, который должны были платить всѣ взрослые туземцы, въ неопредѣленномъ размѣрѣ, во 2-хъ десятинный т. е. десятая часть мѣховъ, добытыхъ ясачными людьми на промыслахъ и въ 3-хъ поминочный или поклонный, количество котораго опредѣлялось доброю волею дающаго. Инородцы, живущіе по близости къ Якутску, каждый годъ должны были привозить туда ясачный сборъ, гдѣ выдавались имъ отписки (росписки) за печатью государя и за подписью дьяка. Въ мѣста же отдаленныя отъ Якутска для сбора ясака посылались служилые люди, которые ходили по улусамъ инородцевъ и по спискамъ собирали съ нихъ ясакъ, давая въ полученіи его лицамъ заплатившимъ росписки. Сборъ ясака производился одинъ разъ въ годъ, другой ясакъ брать въ томъ же году строго воспрещалось.

Такъ какъ обитатели якутской области не имѣли опредѣленнаго мѣста жительства, а перекочевывали съ одного мѣста на другое, то имъ легко можно было бы уклоняться отъ исполненія ясачной повинности. Но правительство, предвидя возможность такого явленія приняло довольно дѣйствительное средство для предотвращенія его и для побужденія ясачныхъ

иноземцевъ къ правильной уплатѣ ясака. Оно предписывало брать съ каждаго объясаченнаго рода аманатовъ (т. е. заложниковъ) изъ лучшихъ людей и содержать ихъ подъ строгимъ карауломъ въ ближайшихъ къ ихъ улусамъ зимовьяхъ или острожкахъ, на казенный счетъ. Имѣя такимъ образомъ въ своихъ рукахъ наиболѣе представительныхъ членовъ извѣстнаго рода, русскіе уже могли разсчитывать на покорность этого рода и на болѣе или менѣе правильную уплату ясака. Дѣйствительно, весьма часто случалось, что какъ только аманатъ убѣгалъ отъ Русскихъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ прекращалась тѣмъ родомъ, къ которому принадлежалъ аманатъ, и уплата ясака. Точно также, когда инородцы возмущались противъ Русскихъ и нападали на Русскіе острожки и зимовья, то всегда старались выручить находящихся тамъ аманатовъ. Извѣстный аманатъ могъ быть отпущенъ въ свой улусъ только тогда, когда приходилъ къ нему кто нибудь другой изъ его рода.

Подати разныхъ сортовъ, наложенныя Русскимъ правительствомъ на покоренныхъ иноземцевъ, были довольно тяжелы, особенно если принять во вниманіе неопредѣленный размѣръ ясака и характеръ самыхъ его сборщиковъ—служилыхъ людей, въ числѣ которыхъ было много ссыльныхъ, слѣдовательно людей зарекомендовавшихъ себя съ худой стороны. При неопредѣленномъ размѣрѣ ясака и при отдаленности края отъ центра управленія—Москвы, открывался свободный просторъ для произвольныхъ дѣйствій и корыстолюбія воеводъ и служилыхъ людей. Дѣйствительно многіе воеводы, держась пословицы „до Бога высоко, до царя далеко", отличались крайнимъ произволомъ, несправедливостями и жестокостями. На сколько произвольны были дѣйствія воеводъ въ этомъ краѣ, можно судить по поступкамъ перваго воеводы Головина, который два года держалъ въ тюрьмѣ своихъ товарищей Матьвѣя Глѣбова и дьяка Филатова, а также въ семи тюрьмахъ держалъ болѣе ста человѣкъ служивыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, обвиняя ихъ въ подстреканіи Якутовъ къ возмущенію и напа-

денію на Якутскъ; а для подтвержденія своего обвиненія старался вымучить у плѣнныхъ возмутившихся якутовъ показаніе на Глѣбова и Филатова въ благопріятномъ для него смыслѣ „якутовъ, князцей и улусныхъ людей (говорилось въ челобитной на Головина) пыталъ и огнемъ жегъ и кнутомъ билъ болши мѣсяца, въ три палача, безъ пощады, и тѣ де якуты въ тѣ поры съ пытки и съ огня, на нихъ на Матвѣя и на Евоимія и на русскихъ людей ни на кого той якутцкой измѣны и русскихъ людей въ убойство въ наученьѣ ничего не говорили-жъ; и Петръ де Головинъ послѣ того своего сыску, тѣхъ якутовъ лутчихъ людей и аманатовъ повѣсилъ двадцать три человѣка, а иныхъ выбравъ же лучшихъ людей билъ кнутьемъ безъ пощады, и съ того кнутья многіе якуты померли и тѣхъ мертвыхъ Петръ вѣшалъ же“ [1]). Смѣнившій его воевода Пушкинъ также отличался произволомъ, жестокостями и взяточничествомъ. Такъ, онъ не сполна выдавалъ жалованье, слѣдующее служилымъ людямъ, бралъ со служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей большіе взятки; тѣхъ же, которые не въ состояніи были давать взятокъ, всячески притѣснялъ; большую часть поминочнаго сбора приносимаго якутами, утаивалъ у себя. Служилыхъ людей, подававшихъ челобитныя о дачѣ жалованья, наказывалъ жестоко батогами и говорилъ: „я де не Петръ Головинъ, всѣмъ исподтиха выведу, а на кого де руку наложу, и ему де отъ меня свѣду не видать и изъ тюрмы не бывать“ [2]). При такомъ порядкѣ дѣлъ незавидно было положеніе въ якутской области даже русскихъ торговыхъ и служилыхъ людей, но еще тяжелѣе было положеніе инородцевъ, такъ какъ, если высшія власти области, которымъ поручалось управленіе краемъ, соблюденіе государевыхъ интересовъ, наблюденіе за правосудіемъ, которыя должны были давать защиту притѣсняемымъ, являлись людьми жестокими, своекорыстными и несправедливыми, то еще менѣе мож-

---

[1]) Доп. къ акт. ист. т. 3-й № 5-й.
[2]) Тамъ же № 56-й.

но было ожидать справедливости и безкорыстія отъ низшихъ исполнителей власти—людей служилаго класса, которымъ поручался сборъ ясака, а также и отъ людей промышленныхъ, которые пользуясь беззащитностію инородцевъ, производили свои промыслы на соболей и другихъ звѣрей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ промышляли ясачные инородцы, отчего промысловыя мѣста бѣднѣли звѣрями и инородцамъ негдѣ было доставать ясака. Хотя правительство постоянно въ своихъ наказахъ писало, чтобы служилые люди „ходячи по ясакъ, ясачнымъ людемъ напрасныхъ обидъ и налоговъ отнюдь никому никакихъ никоторыми мѣрами не чинили, сбирали бы съ нихъ государевъ ясакъ лаcкою и привѣтомъ, а не жесточью и не правежемъ"; однако эти благія распоряженія большею частію оставались пустыми словами, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ этими распоряженіями шли другія подтвержденія, „чтобы сбирати государевъ ясакъ предъ прежнимъ съ прибылью, и чтобы съ ясачныхъ людей ясачнымъ сборщикомъ ясакъ сбирать по прежнему, безъ поноровки, чтобы въ ясакѣ недобору не было". Опираясь на такія подтвержденія и на неопредѣленное количество ясака, ясачные сборщики могли производить вымогательства и насилія надъ поземными инородцами. Понятно поэтому, что выведенные изъ терпѣнья инородцы возмущались иногда противъ русскихъ, убивали русскихъ служилыхъ и промышленныхъ людей и переставали платить ясакъ, но такъ какъ эти возмущенія не имѣли правильной организаціи, то возмутившіеся скоро усмирялись русскими и снова объясачивались. Конечно, были также возмущенія противъ русской власти, вызываемыя не притѣсненіями русскихъ, а желаніемъ отстоять свою независимость и прежнее свое положеніе; но всѣ эти возмущенія не могли принести инородцамъ ничего, кромѣ вреда.—Съ покореніемъ якутской области инородцамъ привелось испытывать бѣдствія и другаго рода, бѣдствія причиняемыя заразительною и страшною въ то время болѣзнію—оспою, принесенною туда русскими и истребившею значительную часть туземнаго населенія. Такъ напр. оспа опустошала якутскую

область съ 1650 по 1652 годъ. Также сильно свирѣпствовала оспа въ 1681, 1691 и 1695 годахъ. Нужно при этомъ замѣтить, что русскіе не принимали никакихъ мѣръ къ прекращенію этой эпидеміи и къ облегченію участи инородцевъ. Напротивъ они и тутъ заботились только о томъ, чтобы не уменьшался ясачный сборъ; для чего воеводы приказывали ясачнымъ сборщикамъ стараться, чтобы не пропадалъ ясакъ съ умершихъ и чтобы они брали этотъ ясакъ съ тѣхъ, которые послѣ умершихъ „животы и скотъ взяли", а для этого они должны наблюдать й записывать „у кого сколько чего живота и скота послѣ смерти осталось, и кто сколько чего взялъ, для того, чтобы и впередъ было на комъ сбирать государевъ ясакъ". Русскіе въ томъ случаѣ прибѣгами даже къ обману: „а якутцкимъ князцомъ (говорилось въ наказѣ ясачнымъ сборщикамъ) и лутчимъ и улуснымъ людямъ про то, что послѣ умершихъ скотъ описывать для государеву ясаку и поминковъ, не оказывать, а говорить имъ якутомъ рѣчью, что де стольникъ и воевода Иванъ Половичъ Акинфовъ да дьякъ Осипъ Степановъ велѣли у васъ у якутцкихъ князцей и у лутчихъ якутовъ и у улусныхъ людей умершихъ якутовъ скотъ описывать, жалѣючи васъ же якутовъ, чтобы тѣхъ умершихъ якутовъ тотъ скотъ не ясачные якуты и якутцкіе боканы не роскрали и сильно не имали" [1]).

На распространеніе христіанства среди покоренныхъ инородцевъ также мало обращалось вниманія. При учрежденіи воеводства въ Якутскѣ туда посланы были вмѣстѣ съ воеводами четыре священника изъ Казани „чтобы на Ленѣ рѣкѣ безъ поповъ не были и служилые съ люди безъ покаянія и причастія не помирали"; вскорѣ была основана въ Якутскѣ и церковь. Но мы не находимъ никакихъ извѣстій, которыя бы показывали, что правительство посылало въ якутскую область духовныхъ съ миссіонерскою цѣлію, Оно ограничилось только нѣкоторыми постановленіями, касающимися тѣхъ иноземцевъ, которые добровольно захотятъ креститься: „а будетъ кто изъ

---

[1]) Доп. къ акт. ист. т. 3-й № 107-й.

ясачныхъ людей похочетъ креститца своею волею, и тѣхъ людей велѣти крестить, сыскавъ про нихъ допряма, что своею ли волею они хотятъ креститца, и крестя мужской полъ, устроивать ихъ въ государеву службу и верстать ихъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованіемъ, смотря по людемъ, кто въ какую статью пригодитца въ выбылыя Русскихъ служилыхъ людей мѣста; а будетъ кто изъ женскаго полу-жонки или дѣвки похотятъ креститца, и тѣхъ жонокъ и дѣвокъ потомужъ велѣть крестить и выдавати за мужъ за новокрещенныхъ же и за Русскихъ служилыхъ людей“ [1]).

Завоеваніе якутской области открывало для подчиненія русской власти другія страны, лежащія далѣе на югъ и востокъ. На югѣ былъ открытъ Приамурскій край, а на востокѣ—приморская область и Камчатка, за предѣлами которыхъ воды Великаго океана остановили дальнѣйшее движеніе Русскихъ.

М. Красовскій.

[1]) Доп. къ акт. ист. т. 4-й № 46-й.

